

Моск. колл. самоизд. — 1991 — 14 авг.

«СОХРАНИ МОЮ РЕЧЬ НАВСЕГДА...»

В правление Мандельштамовского общества пришло письмо от Юрия Мосеевко, которому довелось быть свидетелем гибели Осипа Эмильевича. Сегодня мы публикуем отрывки из этого письма.

...МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ 24 года, когда судьба в самых кошмарных условиях свела меня с Осипом Эмильевичем Мандельштамом.

Стояла теплая осень 1938 года. 14 октября наш эшелон осужденных прибыл из Москвы во Владивосток. Это были маленькие деревянные товарные вагоны, внутри которых — два яруса нар из неструганных досок. В каждом вагоне помещалось около ста человек. Туалетом служило отверстие в полу вагона, ничем не прикрытое и видное каждому. Конвой жил в первом и последнем вагонах, а на площадках дежурили работники НКВД.

Всю дорогу — голод и недоедание. Не было даже кружки кипятка, Паек — 400 гр. хлеба и миска баланды с рыбными головками. Пройтись по вагону невозможно — нет места. Можно только лежать.

Арестантский состав прятали от населения, и днем мы стояли в тупиках, а двигаться могли только ночью. Везли нас полтора месяца. За это время мы превратились в «доходяг».

В «Спецпропускнике Севвостоклага НКВД СССР» было в то время более 20 тысяч заключенных. Мы прибыли вечером, меня и еще несколько человек разместили в бараке № 11, на самые верхние нары. Наутро началось знакомство с обитателями и выяснилось, что в этом же бараке живет поэт Мандельштам Осип Эмильевич.

БЫЛ ОН очень худой, обросший бородкой, с полулысой головой. Говорил тихо и казался очень осторожен со всеми. С нами, молодежь, только шутил: «Ну, а где же ваши невесты?» Очень редко, вечерами, читал свои стихи. Его уважали. Осип Эмильевич сказал, что прибыл в лагерь за два дня до меня — 12 октября 1938 года. Сначала болезненно переносил голод. Затем стал очень слаб и молчалив.

В ноябре в лагере начался сыпной тиф. Объявили карантин, и все бараки закрыли на замки. Прекратилось движение по тер-

ритории лагеря. Нас заедали вши. Их было так много, что казалось — кто-то специально рассеивал их по нарам. Заключенные бытовики (воры, хулиганы, грабители) пришли к власти. Они раздавали хлеб, баланду и сахарок, забирали приличную одежду и выносили на продажу. Жаловаться на них было некому. У Осипа Эмильевича был кожаный реглан желтого цвета, правда, уже потертый по тюрьмам и этапам. Они пытались и его выменять, но Мандельштам не отдал.

Вскоре началась массовая смерть заключенных от сыпного тифа. Трупы выносили из барака в палату морга, на шею вешали бирку — кусок фанеры со шпагатом — и на ней писали фамилию, имя, отчество, год рождения, статью УК и срок.

Единственным лечением от тифа была «прожарка» личных вещей в жарокамере. Это называлось «баня». Но в этой «бане» не было ни горячей, ни холодной воды. Мы, голые, по часу дрожали в ожидании прожаренных вещей.

Хорошо помню этот день — 27 декабря 1938 года. Нас повели в «баню». Было около десяти — одиннадцать часов утра. Вместе с нами шел и Осип Эмильевич. В помещении жарокамеры мы по команде разделись и повесили свое белье на железные крючки, которые подали работающим зекам. Долго ждали, промерзли. Вдруг запахло серным газом. Это открыли дверь жар-печи и выбрасывали наше обожженное белье. Мы перешли в другой отсек, чтобы одеться. И тут упал на пол Осип Эмильевич. Он был совсем голым. Подошли его товарищи, перевернули, но положить было некуда — полки были завалены бельем. Обслуживающий персонал вызвал фельдшера. Прибыла женщина в белом халате с медицинской трубкой, долго прощупывала его пульс. Лицо Мандельштама было очень бледным, никаких признаков жизни. В это же время в другом углу упал на пол еще один зек. Высокого роста, лет так пятидесяти. Кажется, его фамилия была Моранца.

Мандельштама первого унесли на носилках в медпункт, затем Моранца. Медсестра поднесла зеркальце — оно оставалось прозрачным — и заявила, что оба умерли. Каждого зарегистрировали в журнале как «умершего под наблюдением медперсонала». Дактилоскопические отпечатки правой руки снимали уже с мертвого...

Итак, сведения о том, что Мандельштам умер во время лечения в стационаре, под надзором врачей, оказались легендой. Все было гораздо прозаичней и страшней...

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел

до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд
журавлиный,
Что над Элладою когда-то поднялся...
И море, и Гомер — все движется
любовью.

Кого же слушать мне? И вот Гомер
молчит,
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит
к изголовью.